

Молодое поколение в кризисном обществе

Я хотел бы высказать несколько соображений об исследовании проблем молодого поколения в нашем обществе. Мне кажется, что эти вопросы еще не заняли места, которого они заслуживают, в том числе и в проблематике научных исследований Интерцентра.

Будущее рождается сегодня. Носителем этого будущего является молодежь. Те черты, свойства, которые выражаются в оценках, в предпочтениях, в поведении юношей и девушек сегодня, завтра в значительной мере будут определять облик России.

Вот почему я и мои коллеги в Институте социологии Российской академии наук, несмотря на весьма скромные материальные возможности, в 1994 г. вновь провели массовое обследование в Москве, Сибири, Краснодарском крае, чтобы, во-первых, посмотреть, какие основные черты характеризуют сегодня эту группу населения и, во-вторых, проанализировать изменения, которые произошли в ценностях, ориентациях и поведении молодежи за 30 лет — с тех пор, когда наша группа начала в Академгородке социологические исследования проблем перехода от образования к труду в Сибири.

Методика этого исследования сводилась к тому, что весной перед окончанием школы мы ежегодно обследовали тысячи молодых людей в возрасте 17 лет. Обычно эти опросы проводились в мае, а через полгода осенью мы собирали данные персонально о каждом: какую профессию он выбрал, начал ли работать или учиться, и если да, то где, и т.д. Эти исследования, начатые в 1962 г., повторялись ежегодно 10 лет подряд, затем было проведено обследование через 20 лет (1982 г.), и сейчас мы провели обследование, которое можно было бы назвать "30 лет спустя". В них мы старались выявить структуру исследуемого объекта в такой последовательности:

1. Потребность общества в кадрах по профессиям на перспективу.
2. Структура профессионального и общего образования.
3. Структура аспирации самой молодежи.
4. В какой мере удалось молодежи реализовать свои желания

Это обследование, проводившееся в Сибири, мы условно называем "Проект 17—17", потому что год за годом мы опрашивали молодежь в

возрасте 17 лет. Кроме того, мы начали работу над вторым проектом, который условно назвали "Проект 17—25". Это изучение тех молодых людей, о которых мы имели стартовую информацию, т.е. данные об их aspirations перед окончанием средней школы, а также данные об их первом выборе профессии и трудоустройстве. "Проект 17—25" предполагал изучение оценок отношения к жизни, тенденции в группах молодежи через один год, два, три, четыре, пять, шесть и через восемь лет после окончания средней школы.

Я не буду говорить подробно об этих материалах. Они изложены в книгах: "Социологические опыты", "Молодежь и образование", "Начало пути", "Молодежь вступает в жизнь" и др. Хотел бы только отметить, что результаты, которые были получены тогда (в частности, выявленные противоречия между потребностями в кадрах и aspirations молодежи, противоречия, связанные с влиянием демографических факторов на поведение разных групп молодежи и их шансы в профессиональной карьере), прошли проверку временем. То же самое можно сказать о тех, кто был рожден в самые тяжелые военные годы и в дальнейшем получил своеобразную компенсацию в виде больших шансов на получение желаемой профессии, на трудоустройства. Обнаружились и противоречия в оценках престижа профессий сельской, городской и другими группами молодежи, проявились национальные и региональные особенности в профессиональных ориентациях и выборе профессии. Я не буду перечислять все эти выводы, потому что они в значительной степени опубликованы. Отмечу лишь, что они не потеряли актуальности и в настоящее время.

Результаты новых обследований, проведенных 30 лет спустя, сейчас анализируются, и уже можно сказать, что противоречия, которые мы фиксировали, начиная эти исследования в Сибири, ныне переросли в острые конфликты. Конспективно назову лишь некоторые из них:

Острый конфликт между aspirations и реальностью, в результате чего молодежь теряет надежды на будущее. Все более усиливается беспросветность в оценках молодежи. Этому в немалой степени способствует и дифференциация в системе образования, ибо плюрализм образования ведет к тому, что в наших условиях лишь богатые получают право на качественное образование. Бедные сегодня уже такого права не имеют. И это, конечно, очень изменяет роль системы образования в нашей стране.

Ложка ценностных ориентаций. Прежде всего, изменилось отношение к профессии, к труду. Если говорить о труде, то следует констатировать: достигнуты результаты, противоположные выдвигавшимся в начале перестройки целям (предполагалось осуществить переход от внеэкономического принуждения к труду к принуждению экономическому). Резко изменился и престиж профессий. Я приведу лишь некоторые данные об этом. Так, например, за 30 лет, с 1964 по 1994 г., популярность профессии бухгалтера выросла с 2,12 до 5,6 баллов (по 10-балльной шкале). Резко повысилась, с 2,02 до 4,23 баллов, оценка профессии продавца. Повысились также оценки профессии научного работника в области экономики с 5,37 до 6,32 балла. При этом на первое место вышли новые профессии, не фигурировавшие прежде, такие, как юрист, бизнесмен

банковский работник, программист, переводчик, внешнеторговый работник. Происходит постоянное снижение оценок профессий физического труда. Так, например, снизились оценки профессии слесаря, металлурга, токаря, шахтера и др. Могут сказать, что это естественно и характерно для многих развитых стран. Но это не совсем так, потому что одновременно произошло и резкое снижение оценок деятелей науки. Если научный работник в области математики прежде имел оценку 7,89, то теперь эта профессия оценивается в 4,31 балла. То же самое надо сказать и о научных работниках в области биологии, в области гуманитарных наук и т.д. Снизились оценки преподавателя высшей школы, преподавателя средней школы и других интеллигентных профессий, которые обычно весьма популярны в каждой стране. Примерно на 1 балл снизилась и оценка профессии врача. Все это говорит о том, что ломка ценностных ориентаций привела к изменению шкалы престижа профессий. Шкала коммерциализировалась, она в значительной степени отражает новые ценности, связанные с наживой.

3. Определенное разочарование в демократических идеалах и ценностях. Если в начале перестройки эти ценности были очень важны и существенны, то в настоящее время, как об этом знают практически все, они теряют популярность среди молодежи. 50% молодежи вообще не являются на голосование, ибо не верят, что их участие в голосовании может что-то изменить.

4. Все большую популярность приобретает насилие. К нему молодежь толкают не только особенности подросткового сознания, но и традиции большевизма, радикализма, милитаризации и гулагизации сознания.

В целом, если экстраполировать современные тенденции в существенные черты будущего, учитывая, что молодежь через некоторое время будет главным действующим лицом на исторической арене, то можно отметить такие перемены: общий рост безнадежности, неверие в возможность решения социально-политических вопросов, отчуждение от труда, разочарование в демократии, популярность "крутых" методов решения социально-политических вопросов.

А как же обстоит дело с будущей элитой нашего общества? Американский ученый Самуэль Клигер со своими коллегами опросил студентов Московского государственного университета в 1990—1994 гг. В своем недавнем докладе на конференции в Ист-Ленсинге в США он констатировал начало нравственной и духовной драмы.

Так, с 1992 по 1994 гг. в данной группе произошло снижение доверия к честному слову даже близких людей. Я могу назвать здесь некоторые цифры за этот период. Процент студентов, заявивших, что "они всегда верят честному слову", изменился следующим образом: своего друга — с 35,4 в 1992 г. до 22,9 — в 1994 г.; своего супруга (супруги) — с 19,8 до 17,9; своего учителя — с 14,6 до 6,5; офицера русской армии — с 7,3 до 3,0; офицера КГБ — с 4,7 до нуля соответственно. Доля "всегда верящих" члену парламента снизилась соответственно с 3,6 до 1%, а члену Правительства — с 5,2% до нуля.

С другой стороны, автор констатирует резкое снижение ценности человеческой жизни с точки зрения студентов МГУ. Увеличился

(до 58) процент студентов, считающих, что смертная казнь в нашем обществе допустима, что можно лишить жизни новорожденного, если у него есть физические или умственные отклонения. Последний тезис разделяют 8% обычных граждан и от 17 до 25% студентов.

16% студентов считают, что заповедь "Не убий" для современного человека становится все менее важной. Среди обычных граждан так думают только 2,6%

Судя по результатам указанных мною исследований, молодежь расходится с общей массой граждан почти по всем существенным пунктам. Этот разрыв как бы характеризует тот социальный и моральный климат, с которым придется иметь дело нашей стране, когда нынешние студенты станут элитой общества. Общество будет более прагматичным, более жестоким и циничным, более лживым и беспощадным к слабым.

Прогноз будущего на основе анализа определяющих черт сознания современной молодежи и тенденций его изменения — это лишь один из возможных сценариев. Он сам создает возможности для своего неосуществления. Разумеется, в том случае, если общество не ограничится констатацией тех или иных отрицательных тенденций, а будет активно стремиться изменить их, используя экономические, социальные, если хотите — идеологические меры. Тогда результатом может стать другая траектория развития России. Однако пока не видно ни партий, ни фигур, которые имели бы политическую волю, чтобы переломить эти тенденции.